

На правах рукописи

Пастухова Оксана Дмитриевна

**КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ЭВФЕМИЗМОВ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ
(на материале английского и русского языков)**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Челябинск 2019

Работа выполнена на кафедре теории и практики английского языка федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Челябинский государственный университет»

**Научный
руководитель:**

Власян Гаянэ Рубеновна
кандидат филологических наук, доцент

**Официальные
оппоненты:**

Порохницкая Лидия Васильевна,
доктор филологических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет», кафедра лексикологии английского языка, профессор

Полякова Лилия Сергеевна,
кандидат филологических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», кафедра иностранных языков по техническим направлениям, доцент

**Ведущая
организация:**

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», г. Челябинск

Защита диссертации состоится 20 декабря 2019 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.301.03, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова» по адресу: 428034, г. Чебоксары, ул. Университетская, д. 38 (учебный корпус № 3), зал заседания Учёного совета, к. 301.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова и на сайте <http://www.chuvsu.ru>

Автореферат разослан 18 октября 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

И.В. Софронова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационная работа посвящена сопоставительному анализу эвфемизмов в американском и российском политическом медиадискурсе. Эвфемизация речи вызывает особый исследовательский интерес. Являясь вариативными средствами языка, эвфемизмы зависят как от статуса коммуникантов, так и от непосредственной ситуации общения, национальной психологии, типа культуры. В данной работе проводится также анализ взаимосвязи эвфемизмов и хеджей как средств смягчения негативных явлений или понятий действительности.

Актуальность исследования обусловлена возрастанием роли политкорректности в политической коммуникации. Политический дискурс представляет собой особый тип общения, характеризующийся высокой степенью манипулирования, которая достигается в том числе и с помощью эвфемизации речи. Изучение эвфемизмов как составной части политического дискурса является особенно актуальным, так как для современного общества характерна значительная интеграция различных стран и культур, что влечет за собой необходимость использования политкорректного языка, не унижающего достоинства представителей различных конфессий, рас, национальностей, социальных слоев населения. Исследование эвфемии в большинстве случаев проводилось на основе лексикографического материала, отражая субституциональный характер данного явления, в то время как прагматическая сторона эвфемизмов не учитывалась. Актуальность работы определяется также малоизученностью такого лингвистического явления, как хеджирование, которое функционально взаимосвязано с явлением эвфемии. Кроме того, сопоставительное изучение функционирования эвфемистических единиц дает возможность выявить универсальное и национально-специфичное в ментальном мире носителей рассматриваемых лингвокультур, а также повысить эффективность межкультурного взаимодействия.

Объектом исследования является эвфемия в американском и российском политическом медиадискурсе.

Предметом исследования являются коммуникативно-прагматические особенности эвфемизмов в американском и российском политическом медиадискурсе.

Цель работы заключается в выявлении и сопоставлении коммуникативно-прагматических особенностей эвфемизмов в американском и российском политическом медиадискурсе.

В соответствии с вышеизложенной целью были поставлены следующие **задачи**:

- систематизировать и обобщить подходы зарубежных и отечественных ученых к проблеме политического дискурса, политического медиадискурса и эвфемизации;
- дать определение политического медиадискурса и эвфемизма, выявить основные функции политического дискурса и эвфемизации речи;
- изучить хеджирование как прагматическую стратегию, выполняющую защитную функцию высказывания; рассмотреть хеджи как разновидность функциональных эвфемизмов в американском и российском политическом медиадискурсе;
- проанализировать структурные и словообразовательные особенности эвфемизмов в английском и русском языках;
- определить круг основных тематических групп эвфемизмов в исследуемых дискурсах;
- сопоставить функционально-прагматические особенности эвфемизмов в американском и российском политическом медиадискурсе;
- выявить универсальные и национально-специфические особенности использования эвфемизмов в сопоставляемых дискурсах.

Гипотеза диссертационного исследования. Такие лингвистические понятия, как эвфемия и хеджирование, функционально взаимосвязаны. Хеджи представляют собой разновидность эвфемизмов, целью которых является ослабление иллокутивной силы высказывания, направленное на сохранение позитивного фона протекания речевого контакта. Частота использования и выбор эвфемистических единиц определяется этнокультурной спецификой политического медиадискурса.

Теоретической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых по вопросам политического дискурса (А.Г. Алтунян, А.Н. Баранов, К. Бюлер, М.Н. Грачев, Е.Г. Казакевич, П.Б. Паршин, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал, Р. Якобсон, Р. Chilton, L. Ruе, С. Schaffner и др.), медиадискурса (М.В. Гречихин, Т.М. Грушевская, Т.Г. Добросклонская, М.Р. Желтухина, Е.В. Ишменев, Е.А. Кожемякин, Н.А. Кузьмина, А.И. Черных и др.), эвфемии и политкорректности (С. Видлак, Г.А. Вильданова, А.М. Кацев, М.Л. Ковшова, Л.П. Крысин, Б.А. Ларин, В.П. Москвина, В.В. Панин, Л.В. Порохницкая, Л.Г. Смотик, В.З. Санников, Е.П. Сеничкина, И.Ю. Черепанова, Д.Н. Шмелев, К. Allan, К. Burridge, R. Keyes и др.), хеджирования (Г.Р. Власян, С.Н. Кишко, А.П. Марюхин, G. Clemen, E. Crespo, B. Fraser, A. Hübler, K. Nyland, G. Lakoff, V. Namsaraev, E. Prince, U. Weinreich, L. Zadeh и др.).

Материалом исследования явились эвфемизмы в речи политиков, выделенные приемом сплошной выборки из американских и российских средств массовой информации. В ходе исследования было проанализировано 1018 политических текстов, опубликованных в период 2013-2019 гг. (509 американских и 509 российских политических текстов), общим объемом 8459 страниц, в которых обнаружена 3131 эвфемистическая единица (1885 в американском политическом медиадискурсе и 1246 – в российском).

Для достижения цели, указанной в исследовании, применялись следующие **методы**: дефиниционный метод (уточнение определений «политический медиадискурс» и «эвфемизм»); метод лингвистического описания (отбор и систематизация единиц языка); метод классификации (выделение тематических групп и видов эвфемизмов); метод количественной обработки данных (определение частоты употребления анализируемых в работе единиц); структурный метод (выделение словообразовательных и структурных особенностей эвфемизмов); контекстуальный метод (выявление скрытых коммуникативных намерений говорящего в определенном контексте); сопоставительный метод (анализ коммуникативно-прагматических особенностей с учетом лингвокультурологических характеристик исследуемых явлений в сопоставляемых дискурсах).

Научная новизна настоящего диссертационного исследования состоит в следующем:

1. Проведён сопоставительный анализ коммуникативно-прагматических особенностей эвфемизмов в американском и российском политическом медиадискурсе.
2. Установлена взаимосвязь между эвфемизацией и хеджированием в политическом медиадискурсе.
3. Выявлены прагматические особенности хеджей как разновидности функциональных эвфемизмов в сопоставляемых дискурсах.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в том, что оно вносит существенный вклад в разработку теоретических проблем политической лингвистики, а также позволяет расширить существующие представления о взаимосвязи эвфемизмов и хеджирования. Результаты, полученные в ходе исследования, помогают глубже понять специфику современной политической речи и позволяют предсказать выбор определенных эвфемистических единиц в сопоставляемых нами языках (английском и русском) для достижения успешной коммуникации.

Практическая значимость работы состоит в том, что полученные в данном исследовании результаты можно использовать в лексикографической практике при подготовке специального словаря

эвфемизмов современного политического медиадискурса, а также на занятиях по лексикологии, теоретической грамматике, межкультурной коммуникации, практическому курсу перевода в вузе. Данное исследование в дальнейшем может быть использовано как основа для анализа эвфемистических преобразований в других языках. Обучение правильному использованию эвфемизмов в речи политиков необходимо для достижения успешной коммуникации.

Положения, выносимые на защиту.

1. Эвфемизмы – это слова или выражения, используемые для замены любого нежелательного или недозволенного слова или выражения приемлемым или более вежливым на данном историческом этапе и в данном обществе, основной целью которых является смягчение денотата, что способствует избеганию коммуникативных конфликтов и сохранению «лица» или вуалированию определенных фактов действительности.

2. В сопоставляемых дискурсах к числу универсальных особенностей относится использование следующих тематических групп эвфемизмов: эвфемизмы, связанные с военными действиями и террором; смягчающие дискриминацию в различных ее проявлениях; характеризующие временные волнения, катаклизмы; камуфлирующие негативные явления в социальной сфере; описывающие умственное и физическое состояние здоровья человека, а также его внешний вид и возраст. Национальная специфика прослеживается в группе эвфемизмов, смягчающих дискриминацию в ее различных проявлениях: в американском политическом медиадискурсе преобладают эвфемизмы, описывающие дискриминацию по половому признаку, в то время как в российском – дискриминацию по расовому / этническому и религиозному признаку.

3. В американском и российском политическом медиадискурсе функция вуалирования или камуфляжа существа дела является доминирующей для эвфемизмов, описывающих негативные явления действительности, в то время как функция избегания коммуникативных конфликтов и сохранения «лица» характерна для эвфемизмов, затрагивающих интересы личности.

4. Хеджирование представляет собой прагматическую стратегию, выполняющую защитно-эвфемистическую функцию высказывания за счет представления предметов и явлений нечеткими и неоднозначными. Средствами выражения хеджирования являются хеджи, цель которых – ослабление иллокутивной силы высказывания, смягчение пропозиции в целом или ее отдельных частей.

5. В политическом медиадискурсе хеджирование реализуется посредством хеджей-преград и хеджей-аппроксиматоров, которые представляют собой разновидность функциональных эвфемизмов. Наиболее распространенными хеджами в американском политическом

медиадискурсе являются модальные глаголы, а в российском политическом медиадискурсе – модальные слова: имена существительные, прилагательные или наречия.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные результаты и положения исследования освещены в двадцати публикациях, в том числе в шести статьях в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук: «Вестник Челябинского государственного университета», «Филологические науки. Вопросы теории и практики», «Политическая лингвистика», «Мир науки, культуры, образования», и одной статье в журнале, включенном в глобальный индекс цитирования Web of Science – «The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences».

Результаты исследования были представлены в докладах на международных конференциях: XI Житниковские чтения «Слово в тексте: филологический, лингвистический и лингводидактический подходы» (Челябинск, 2013), «СМИ-общество-образование: проблемы медиабезопасности» (Челябинск, 2013), «Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы: II Международная научная конференция» (Москва, 2014), «XXI Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов»» (Москва, 2014), «Актуальные проблемы современной лингвистики и лингводидактики» (Костанай, Казахстан, 2015), «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 2014, 2016, 2018), «Актуальные вопросы филологии, лингводидактики и переводоведения в свете современных исследований» (Чебоксары, 2017), «Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация» (Екатеринбург, 2018), III конференция PMMIS «Журналистский текст в новой технологической среде: достижения и проблемы» (Челябинск, 2019).

Результаты работы обсуждались на заседаниях кафедры теории и практики английского языка ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» (2013 – 2019 гг.), а также на семинарах Челябинского отделения Российской ассоциации лингвистов-когнитологов (2018 – 2019).

Поставленная цель и задачи исследования определили **структуру работы**. Настоящая диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы. В тексте содержатся три рисунка и три таблицы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** представлена характеристика основных параметров работы: указывается направление исследования, обосновывается его актуальность, определяются объект и предмет исследования, обозначаются его цель и задачи, описывается используемый материал и теоретическая база исследования, указываются методы, формулируется научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, излагаются основные положения, выносимые на защиту, а также приводится структура диссертации.

Первая глава **«Теоретические основы сопоставительного исследования эвфемизмов в политическом медиадискурсе»** посвящена обзору понятия политического дискурса в целом, а также его основных особенностей и функций. Приводится используемое в диссертационном исследовании определение политического дискурса, данное А.Н. Барановым и Е.Г. Казакевич: «Политический дискурс – это совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом»¹. Политический дискурс имеет ряд особенностей, таких, как авторство, адресность, ряд стратегий и тактик, проблематику, содержание, функции. Они наиболее полно характеризуют данный вид дискурса. Важно также отметить функции, характерные для политического дискурса. Авторитет политического деятеля, успех его политической кампании и популярность его идей напрямую зависят от его коммуникативной компетентности. А.П. Чудинов выделяет семь основных функций политического дискурса, к которым относит когнитивную, коммуникативную, побудительную, эмотивную, метаязыковую, фатическую и эстетическую². В реальной ситуации общения все вышеперечисленные функции взаимосвязаны, и их трудно разграничить. В одних ситуациях общения основной является одна функция, в то время как другие не так явно выражены.

Рассматриваются также подходы к определению понятия «политического медиадискурса» как разновидности политического дискурса. Политический медиадискурс является разноплановым и многообразным понятием. Он предоставляет возможность оценивать как текущее культурное состояние общества, так и языковое, так как политический медиадискурс описывает культурные и языковые

¹ Баранов А.Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А.Н. Баранов, Е.Г. Казакевич. М.: Знание, 1991. 64 с.

² Чудинов А.П. Политическая лингвистика / А.П. Чудинов. М.: Флинта : Наука, 2006. 254 с.

составляющие социума. В диссертационном исследовании политический медиадискурс рассматривается как разновидность политического дискурса и определяется как *совокупность всех речевых актов политической коммуникации, реализуемых между представителем политической организации и массовой аудиторией, во время которых происходит передача и обмен актуальной информацией посредством СМИ.*

Раскрывается понятие и сущность эвфемизмов, приводятся их классификации и функции. Проблема эвфемизации речи становится наиболее актуальной в XX – XXI вв. и изучается как отечественными, так и зарубежными исследователями. Среди отечественных лингвистов можно отметить Ю.С. Арсентьеву, С. Видлак, Г.А. Вильданову, И.Р. Гальперина, Л.К. Граудину, А.М. Кацева, Е.Е. Краснову, Л.П. Крысина, Б.А. Ларина, В.П. Москвина, О.В. Обвинцеву, Л.В. Порохницкую, Л.Н. Саакян, Е.П. Сеничкину и др. Среди зарубежных лингвистов наибольший интерес к эвфемизмам проявляют К. Allan, К. Burrigge, J. Lawtence, R. Keyes, J.S. Neaman, E. Partridge и др. На основе изучения существующих определений эвфемизма, сформулированных отечественными и западными лингвистами приводится рабочее определение эвфемизмов, которые в настоящем исследовании трактуются как *слова или выражения, используемые для замены любого нежелательного или недозволенного слова или выражения приемлемым или более вежливым на данном историческом этапе и в данном обществе, основной целью которых является смягчение денотата, что способствует избеганию коммуникативных конфликтов и сохранению «лица» или вуалированию определенных фактов действительности.*

Из-за большого количества эвфемизмов в языке возникла необходимость их классификации. В лингвистике имеются несколько классификаций, представленных разными учеными: тематическая классификация (Л.П. Крысин, М.Л. Ковшова), уровневая классификация (Б.А. Ларин), лексико-семантическая классификация (А.М. Кацев), мотивационная классификация (В.П. Москвин), классификация, основанная на порождающих мотивах (Е.Е. Краснова), морфологическая классификация эвфемизмов (Е.П. Сеничкина). В данной работе мы опираемся на тематическую классификацию Л.П. Крысина и М.Л. Ковшовой и классификацию эвфемизмов, предложенную Е.П. Сеничкиной, чтобы определить, что актуально для общества в определенный временной период, и изучить, с какой целью используются данные эвфемизмы в речи. Проанализировав основные функции эвфемизмов, мы пришли к выводу, что некоторые функции пересекаются и могут быть объединены в две основные: функция избегания

коммуникативных конфликтов и сохранения «лица» и функция камуфляжа или вуалирования определенных фактов действительности.

В исследовании рассматривается взаимосвязанное с эвфемизацией понятие хеджирования, которое представляет собой прагматическую стратегию смягчения. Хеджирование играет важную роль в общении людей, так как помогает выразить свою мысль таким образом, чтобы не создать коммуникативного дискомфорта у собеседника. Дж. Лакофф привлек внимание к проблеме соотносительности природных феноменов и естественных лингвистических концептов, которые, по его утверждению, обладают «размытыми границами». Предметом исследования Дж. Лакоффа являются лингвистические феномены, которые можно использовать для периферийных понятий, относящихся к более обобщенным концептуальным категориям. Дж. Лакофф внимательно изучает группу слов, которую он называет хеджами, «words whose meaning implicitly involves fuzziness – words whose job is to make things fuzzier or less fuzzy»³. То есть он определяет хеджи как слова, чье значение имплицитно подразумевает нечеткость – слова, задача которых представить предметы более или менее четкими. Работа Дж. Лакоффа и его определение хеджирования стали отправной точкой в ряде более поздних исследований данного феномена. Хотя значение понятия «хеджирование» было расширено и включило в себя другие хеджи, которые ранее не вошли в список Лакоффа, тем не менее, его работа считается базовой при исследовании этого понятия. В диссертационном исследовании мы определяем хеджирование как *прагматическую стратегию, выполняющую защитно-эвфемистическую функцию высказывания за счет представления предметов и явлений нечеткими и неоднозначными*. Средствами выражения хеджирования являются хеджи, цель которых – ослабление иллокутивной силы высказывания, смягчение пропозиции в целом или ее отдельных частей.

Существует ряд классификаций хеджей. Одна из них принадлежит Э. Принс⁴, которая выделяет хеджи-преграды, указывающие на отношении говорящего к пропозиции, и хеджи-аппроксиматоры, влияющие на смысл самой пропозиции или ее отдельных частей. Опираясь на классификацию хеджей Э. Принс, а также изучив классификацию эвфемизмов Е.П. Сеничкиной⁵, которая выделяет функциональные эвфемизмы

³ Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. 1973. №2 (4). P. 458-508.

⁴ Prince E. On Hedging in Physician-physician Discourse / E. Prince, J. Frader, C. Bosk // Linguistics and the Professions / ed. J. di Prieto. Norwood, 1982. P. 83-97.

⁵ Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е.П. Сеничкина. М.: Флинта: Наука, 2016. 461 с.

(не закрепленные в словаре и являющиеся таковыми только в контексте), мы пришли к выводу, что хеджирование и эвфемизация взаимосвязаны. В работе мы определяем хеджи как *разновидность функциональных эвфемизмов, целью которых является ослабление иллокутивной силы высказывания, смягчение пропозиции в целом или ее отдельных частей, что способствует избеганию коммуникативных конфликтов и сохранению «лица» или вуалированию определенных фактов действительности.*

Хеджирование – это стратегия смягчения, которая подчеркивает мнение говорящего, делает коммуникацию эвфемистичной, сдержанной, вежливой и гибкой, эффективно выстраивая диалог и отношения между говорящим и слушающим.

Во второй главе **«Сопоставительный анализ коммуникативно-прагматических особенностей эвфемизмов в американском и российском политическом медиадискурсе»** рассматриваются структурные и функционально-прагматические особенности эвфемизмов в сопоставляемых дискурсах.

Первоначальным этапом анализа коммуникативно-прагматических особенностей эвфемизмов является изучение их структурных особенностей. Их выявление позволяет глубже понять процесс эвфемизации речи.

Слова-эвфемизмы в американском политическом дискурсе составляют 23% фактического материала (*spokesperson / representative; overweight / chubby*); а в российском политическом медиадискурсе – 47% (*конфликт, слабослышащий, незрячий и т.д.*).

Словосочетания-эвфемизмы в американском политическом дискурсе (*Member of Congress, vertically challenged, to be of a certain age, to have a lie down*) и российском политическом медиадискурсе (*избыточный вес, взрывное устройство, черная биржа, сложный экономический расклад*) представлены в большей степени, и составляют 77% и 53% соответственно.

Основываясь на фактическом материале, мы классифицировали политкорректную лексику тематически. Она была разделена на 6 тематических групп, которые представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1 – Тематическая классификация эвфемизмов в рамках американского политического медиадискурса

Тематическая группа эвфемизмов	Подгруппа	Процентное соотношение	
1. Эвфемизмы, связанные с военными действиями и террором		30%	
2. Эвфемизмы, смягчающие дискриминацию в ее различных проявлениях	1. половая дискриминация	20 %	29%
	2. расовая / этническая дискриминация	5,8 %	
	3. дискриминация сексуальных меньшинств	3 %	
	4. религиозная дискриминация	0,2 %	
3. Эвфемизмы, характеризующие временные волнения, катаклизмы, происходящие в обществе	1. природные катаклизмы	11%	19%
	2. мировой экономической кризис	8%	
4. Эвфемизмы, камуфлирующие негативные явления в социальной сфере	1. социальные пороки (пьянство, наркомания, проституция, преступность)	7%	15%
	2. повышение престижа некоторых профессий	4,5%	
	3. бедность	3,5%	
5. Эвфемизмы, описывающие умственное и физическое состояние человека		5%	
6. Эвфемизмы, описывающие внешний вид и возраст человека	1. возраст	1,5%	2%
	2. особенности внешности (вес, рост)	0,5%	

Таблица 2 – Тематическая классификация эвфемизмов в рамках российского политического медиадискурса

Тематическая группа эвфемизмов	Подгруппа	Процентное соотношение	
1. Эвфемизмы, связанные с военными действиями и террором		27%	
2. Эвфемизмы, смягчающие дискриминацию в ее различных	1. расовая / этническая дискриминация	11%	23%

проявлениях	2. религиозная дискриминация	9,9%	
	3. дискриминация сексуальных меньшинств	2%	
	4. половая дискриминация	0,1%	
3. Эвфемизмы, характеризующие временные волнения, катаклизмы, происходящие в обществе	1. природные катаклизмы	12%	22%
	2. мировой экономический кризис	10%	
4. Эвфемизмы, камуфлирующие негативные явления в социальной сфере	1. социальные пороки (пьянство, наркомания, проституция, преступность)	13%	21%
	2. бедность	7,8%	
	3. повышение престижа некоторых профессий	0,2%	
5. Эвфемизмы, описывающие умственное и физическое состояние человека			4%
6. Эвфемизмы, описывающие внешний вид и возраст человека	1. возраст	2,9%	3%
	2. особенности внешности (вес, рост)	0,1%	

Эвфемизмы, связанные с военными действиями и террором, – наиболее многочисленная выделенная нами тематическая группа, процентное соотношение единиц которой составляет 30% от общего числа проанализированных эвфемизмов в американском политическом медиадискурсе и 28% – в российском.

Обилие войн (война в Ираке, Ливии, Сирии и т.д.), терроризм как новая угроза обществу повлияли на использование эвфемизмов в английском и русском языках. Политики в своей речи стараются не использовать слово *terrorist* и *terrorist* в английском соответственно. Данное слово они стараются заменить эвфемизмами *бандформирование / формирования / преступный элемент* в русском языке или *freedom fighters / fighter / gunman / radical* в английском языке.

Так, например, Дж. Эрнест использует эвфемизм *fighter* в своей речи:

*«And that same admonition applies when it comes to the activities of these new Syrian **fighter** – or new Syrian forces on the ground that have been trained and equipped by our coalition»* (J. Earnest, Press Briefing by Press Secretary Josh Earnest, 2015) *(И то же самое замечание относится и к*

деятельности этих новых сирийских боевиков или новых сирийских сил на местах, которые были обучены и оснащены нашей коалицией).

Д. Гусев, также прибегает к помощи эвфемизма, заменяя слово *террористы*:

«Уточняется, что среди **вооруженных группировок** вспыхнули разногласия. Несколько сотен **участников бандформирований** предпочли сдаться правительственным силам» (Д. Гусев, Сирийская армия взяла под контроль более половины Алеппо, 2016).

В политической сфере также используются эвфемистические замены для обозначений, указывающих на агрессивные военные действия. Такие примеры эвфемизмов, как *air support (bombing)*; *non-operative personnel / casualty (victim)*; *friendly fire* (killing people on your own side); *Department of Defense* (Department of War); *conflict / accident* (war) встречаются в английском языке.

*[In January 2004, Dave [a Marine helicopter pilot] deployed to Iraq.] That summer, just a few weeks before he was scheduled to return home, he was called in to provide **air support** for ground troops who were in very serious danger. [As he covered his troops, he was shot by ground fire, giving up his life for his comrades and his country] (D. Trump, Remarks at a Memorial Day Ceremony in Arlington, 2018) ([В январе 2004 года Дэв (пилот вертолёта ВМС США) был отправлен в командировку в Ирак.] Летом этого же года всего за несколько недель до запланированного возвращения домой он оказывал авиационную поддержку сухопутным войскам в тяжёлых боевых условиях. [в ходе операции он был сбит силами ПВО и отдал жизнь за своих товарищей и за страну]).*

В русском языке происходит замена слов *военное учреждение, военные действия, военный* на эвфемизмы *объект, напряженность, оборонный* соответственно:

«В прилегающих к Сирии районах над акваторией Средиземного моря будет осуществляться радиоэлектронное подавление спутниковой навигации, бортовых РЛС и систем связи боевой авиации, атакующей **объекты** на сирийской территории» (С. Шойгу, Россия передаст Сирии комплекс С-300, 2018).

При создании эвфемизмов *device / unit / gadget*, заменяющих понятие *bomb* (бомба), прагматический эффект создается за счет семантики данных слов. Все они обозначают некий срабатывающий механизм. Таким образом, снова происходит вуалирование существа дела.

«An attack with an improvised **nuclear device** would create political, economic, social, psychological, and environmental havoc around the world, no matter where the attack occurs» (В. Obama, Fact Sheet: The Nuclear Security Summits: Securing the World from Nuclear Terrorism, 2016) (*В результате*

атаки с использованием самодельного ядерного взрывного устройства, где бы она ни произошла, во всём мире наступит политический, экономический, социальный, психологический и экологический коллапс).

К политкорректной лексике, связанной с военными действиями и террором, можно отнести такие эвфемизмы, как *агент* (*agent*) вместо слова шпион (*spy*), *ликвидировать* (*liquidate* / *execute* / *account for*) вместо убивать / уничтожать (*murder* / *destroy*):

«За свои злодеяния они получили заслуженное возмездие: ликвидированы их техника, штабы, инфраструктура, тысячи боевиков» (В. Путин, Встреча с военнослужащими-участниками антитеррористической операции в Сирии, 2017).

«And at the moment, now we can state with confidence that all the threats have been liquidated ...» (В. Obama, Remarks with President Nursultan Nazarbayev of Kazakhstan and President Dmitry Anatolyevich Medvedev of Russia and an Exchange with Reporters at the Nuclear Security Summit in Seoul, 2013) *(И в данный момент мы можем с уверенностью заявить, что вся угроза была ликвидирована...)*.

Из вышеприведенных примеров мы видим, что политики стремятся заменить эвфемизмами те слова, которые могут создать конфликт или посеять панику среди населения.

С функциональной точки зрения все выделенные нами эвфемизмы можно разделить на две основные группы:

- эвфемизмы, затрагивающие интересы личности, как представителя той или иной группы / общества (эвфемизмы, смягчающие дискриминацию в ее различных проявлениях; эвфемизмы, указывающие на социальный статус человека и престиж его профессии; политкорректная лексика, описывающая умственное и физическое состояние человека, его внешний вид и возраст);
- эвфемизмы, затрагивающие негативные явления действительности (эвфемизмы, связанные с военными действиями и террором; эвфемистические единицы, характеризующие временные волнения, катаклизмы, происходящие в обществе и социальные пороки, которые характеризуют социум).

Функция избегания коммуникативных конфликтов и сохранения «лица» будет характерной для эвфемизмов, затрагивающих интересы личности, в то время как функция вуалирования или камуфляжа существа дела будет относиться к эвфемизмам, описывающим негативные явления действительности.

Вуалирование действительности или камуфляж существа дела является доминирующей функцией как в американском, так и в российском политическом медиадискурсе. Это можно объяснить тем, что

частотными эвфемизмами являются те, которые заменяют нежелательные явления действительности, такие, как войны, террористические акты, природные катаклизмы, временные финансовые кризисы и т.д. Эвфемистические замены все чаще наблюдаются в политической сфере для описания социальной жизни людей и социальных пороков. Говорящий стремится смягчить негативное отношение к таким явлениям, как преступность, проституция, пьянство, наркомания. В основе этих эвфемизмов – косвенность обозначения. Она используется для создания положительного эффекта об услышанной информации.

«Положительный эффект» можно проследить в лексике, связанной с природными катаклизмами или экономическими волнениями в обществе. Нежелательные номинации заменяются более приемлемыми. Общество должно слышать то, что хотело бы слышать. Подтвердим это следующими примерами:

*«Now we are two different countries but our destination must be the same: strong and **stable growth**, reduced deficits and reform of our financial systems—so that they will never again be open to the abuses of the past»* (В. Obama, Joint Op-ed by President Obama and Prime Minister Cameron, 2013) (*Мы две разные страны, но мы должны стремиться к единой цели: уверенному и стабильному росту, сокращению дефицита и реформированию наших финансовых систем, для того чтобы они больше не смогли подвергнуться влиянию прошлого*).

В этом примере проиллюстрирована замена экономического понятия «slow growth» (медленный рост) эвфемизмом «stable growth» (стабильный рост). Слова *медленный* и *стабильный* не синонимичны: медленный не значит стабильный, и наоборот. Однако значение слова «стабильный» имеет более положительную коннотацию по сравнению со словом «медленный» – эвфемизм в этом контексте вуалирует вероятное отставание в экономическом развитии.

Пример из российского политического дискурса. В. Путин, обсуждая проблему пожаров в Ростове-на-Дону и Волгоградской области, говорит:

*«В этой **сложной ситуации** благодаря энергично предпринятым мерам и своевременно проведённой эвакуации **потери** были минимальны».* (Совещание о мерах по ликвидации последствий пожаров в Ростове-на-Дону и Волгоградской области, 2017).

В этом высказывании мы наблюдаем использование сразу двух эвфемизмов – *сложная ситуация* (вместо слова «лесной пожар») и *потери*. Замена прямых наименований эвфемизмами усложняет понимание информации, так, например, эвфемизм *потери* может означать не только человеческие жертвы, а эвфемизм *сложная ситуация* вуалирует масштаб проблемы.

Функция избегания конфликта и сохранения «лица» менее распространена в американском и российском политическом медиадискурсе, так как данная функция характеризует эвфемизмы, относящиеся больше к индивидууму, а не обществу в целом.

Эвфемизмы, описывающие социальную сферу людей, а именно бедность, используются с целью избежать коммуникативных конфликтов. Так, например, в американском политическом медиадискурсе заменяется слово «the poor» (бедные) эвфемизмами *economically marginalized / in reduced circumstances / financially inept people / low-income / working class / modest / underprivileged / deprived / disadvantaged / indigent* и т.д.

*«This program provides an intensive, nine-month curriculum to help girls who were unable to finish primary school, catch up to their peers. Through Second Chances, some of the world's most **marginalized girls** have returned to school and some have even gone on to college»* (FACT SHEET: First Lady Michelle Obama Announces More than \$20 Million in New Commitments to the U.S. Government's Let Girls Learn Initiative at United State of Women Summit Dinner, 2016) *(В рамках данной программы разработан интенсивный девятимесячный курс, благодаря которому девочки, не окончившие начальную школу, могут наверстать упущенное и подтянуть знания до уровня их сверстников. Благодаря программе «Второй шанс» многие девочки, оказавшиеся даже в самом неблагоприятном положении, смогли вернуться в школу, а некоторые даже продолжить обучение в колледже).*

В российском политическом медиадискурсе также прослеживается тенденция защиты прав малообеспеченных, и политики стараются избегать использования слова «бедный» в своих текстах. Ксения Собчак, кандидат в президенты РФ в 2018 году, говорила о своей предвыборной кампании, используя эвфемизм:

*«**Есть социально незащищенные слои населения. Обязанность государства – это создавать такие условия в стране, чтобы люди могли жить нормальной жизнью»*** (К. Собчак, Выступление Ксении Собчак в программе «Время покажет» на «Первом канале», 2017).

Перед президентскими выборами цель любого кандидата – расположить к себе как можно больше избирателей, в данном случае эвфемистические замены как никогда помогают политикам звучать вежливо.

Как и эвфемия, хеджирование используется в речи политиков с целью избегания коммуникативных конфликтов и сохранения «лица» при общении с аудиторией или вуалирования действительности. Хеджи, представляя собой разновидность функциональных эвфемизмов, могут быть представлены различными морфологическими и лексическими

средствами. Они указывают на отношение говорящего к пропозиции или помогают изменить истинность самой пропозиции. С этой точки зрения все хеджи делятся на две группы – хеджи-преграды и хеджи-аппроксиматоры.

Хеджи-преграды, или речеактивные хеджи, подчёркивают отношение говорящего к пропозиции, что может быть выражено опосредованно. К этой группе хеджей относятся *эпистемические глаголы в сочетании с местоимениями первого лица единственного и множественного числа; условные придаточные предложения; безличные конструкции в английском языке и эпистемические глаголы; конструкции с возвратными глаголами (казаться, предоставляться, и т.д.); вводные конструкции (на наш/мой взгляд, по-нашему/моему убеждению)* в русском языке.

Хеджи-аппроксиматоры влияют на смысл части пропозиции или всей пропозиции. К этой группе хеджей относятся *модальные слова, модальные глаголы и аппроксиматоры времени, степени, количества и частотности в английском языке и модальные частицы, модальные слова, глагол мочь + инфинитив, конструкции можно / возможно + инфинитив* в русском языке.

Рассмотрев прагматические особенности использования хеджирования в американском политическом медиадискурсе, мы выявили, что наиболее частотными в речи политиков являются хеджи-аппроксиматоры, и самым распространенным среди хеджей-аппроксиматоров является хедж, выраженный модальным глаголом *can* (мочь). Как и в русском языке, в английском данный глагол выражает вероятность выполнения или осуществления действия.

Например, Б. Обама в своей речи по искоренению безработицы использует сразу несколько хеджей:

[So America's getting stronger and <...> the economy is growing. And we've got to do more to make sure that all Americans share in that growth.] The good news is, I'm optimistic we can do it if we do it together» (В. Обама, Remarks on Emergency Unemployment Insurance, 2014) *([И поэтому Америка становится сильнее <...> экономика страны растёт. И нам многое ещё предстоит сделать, чтобы каждый американец смог почувствовать этот рост.] Хорошие новости состоят в том, что я уверен: мы сможем этого добиться, если будем работать сообща).*

В данном предложении можно проследить использование хеджа *can*, который указывает на вероятность того, что действие произойдет в будущем, однако нет определенных гарантий. Еще один хедж используется в этом предложении – условное предложение. Он подчеркивает то, что ситуация с безработицей сможет измениться только

при одном условии. Таким образом, бывший президент обеспечивает себе положительный образ.

Сравним данный пример без использования хеджа:

[So America's getting stronger and <...> the economy is growing. And we've got to do more to make sure that all Americans share in that growth.] The good news is, I'm optimistic we ~~can~~ will do it if we do it together (Мы добьемся этого, если будем работать сообща).

В речи российских политиков хеджи-аппроксиматоры также являются наиболее частотным явлением. В отличие от американского политического медиадискурса, в российском политическом медиадискурсе чаще используются модальные слова, выраженные именами существительными, прилагательными и наречиями.

Достаточно распространенный хедж в российском политическом медиадискурсе выражен модальным словом «видимо»:

*«То есть это означает, что этот триллион рублей, **видимо**, должен быть дофинансирован во вторую трёхлетку, после того как этот бюджет закончит работать, то есть эта трёхлетка завершится» (А. Кудрин, Заседание Совета по стратегическому развитию и нацпроектам, 2018).*

А. Кудрин выражает свою точку зрения по поводу распределения финансов, и данный хедж указывает на некую неопределенность автора, неуверенность в истинности пропозиции.

Хеджи-преграды также используются американскими и российскими политиками, но в меньшей степени, по сравнению с хеджами-аппроксиматорами.

Наиболее частотными среди хеджей-преград в американском и российском политическом медиадискурсе являются эпистемические глаголы в 1 лице множественного числа. Таким образом коммуниканты стараются перенести ответственность с себя на «всех».

*«**We believe** it is time for the House to follow the Senate and take action» (J. Carney, Press Briefing by Press Secretary Jay Carney, 2013) (Мы считаем, что пришло время для того, чтобы Палата (представителей) последовала примеру Сената и приняла меры).*

Из этого примера мы не понимаем, кто именно, по мнению Дж. Карни, бывшего пресс-секретаря Белого дома, должен последовать примеру Сената. Хедж «*we believe*» указывает на истинность последующей пропозиции с точки зрения говорящего, а не в абсолютном измерении, тем самым снижая категоричность высказывания.

О. Голодец, вице-премьер правительства РФ по вопросам культуры, спорта и туризма, говоря об инфраструктуре, использует следующий хедж в своей речи:

«В Севастополе планируется из инфраструктуры построить Театр оперы и балета, который, как мы считаем, серьёзно изменит всю ситуацию с культурой в Севастополе и превратит Севастополь по-настоящему в столичный город». (О. Голодец, Совещание по вопросу создания культурно-образовательных комплексов в субъектах Российской Федерации, 2018).

В данной пропозиции использование эпистемического глагола в форме 1 лица множественного числа указывает на желание вице-преьера правительства РФ по вопросам культуры, спорта и туризма подчеркнуть, что не она одна желает изменить ситуацию, тем самым снижая степень истинности и категоричности утверждения.

Из приведенных примеров можно сделать вывод, что использование эпистемических глаголов в форме 1 лица множественного числа в американском и российском политическом медиадискурсе в первую очередь защищает говорящего от ответственности за сказанное, ослабляет иллокутивную силу высказывания и создает благоприятный положительный образ политика.

Мы выявили, что хеджи-аппроксиматоры доминируют в сопоставляемых нами дискурсах, однако процентное соотношение хеджей-преград и хеджей-аппроксиматоров отличается в обоих дискурсах. Эти данные можно увидеть на рисунке 1.

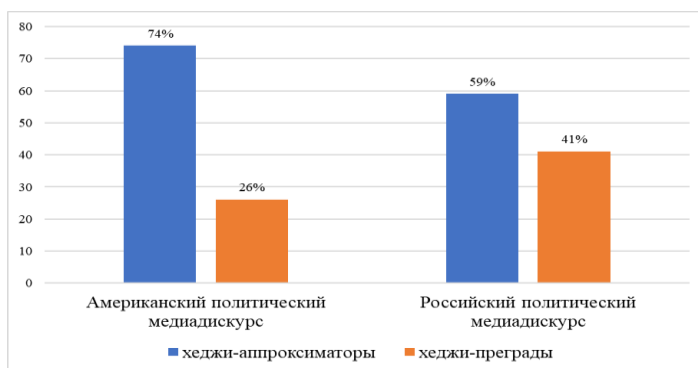

Рисунок 1 – Хеджирование в американском и российском политическом медиадискурсе

Отметим также, что в американском политическом медиадискурсе использование модальных глаголов (36%) в роли хеджей больше, чем

модальных слов (25%), в то время как в российском политическом медиадискурсе, наоборот, модальные слова (23%) в роли хеджей встречаются чаще модальных глаголов (17%).

Хеджирование, таким образом, помогает выстроить успешную коммуникацию между говорящим и слушающим. Политики в одних случаях стремятся избежать коммуникативных конфликтов и сохранить «лицо», в других – пытаются завуалировать суть дела, чтобы не вызвать негативной реакции у аудитории.

В **заключении** настоящей диссертации подводятся итоги и рассматриваются основные результаты проделанной работы. Как показывает проведенный анализ фактического материала, для российского и американского политического медиадискурса характерен политкорректный стиль общения, который достигается благодаря использованию эвфемизмов, так как универсальной установкой любого политика в процессе общения является уменьшение возможных коммуникативных рисков. Тенденция эвфемизации речи является актуальным явлением в последние десятилетия. Основной целью эвфемизмов является смягчение денотата, что способствует избеганию коммуникативных конфликтов и сохранению «лица» или вуалированию определенных фактов действительности. Именно эвфемизмы сглаживают речь, делая коммуникацию успешной.

Полученные результаты также свидетельствуют о том, что для политика как участника коммуникации, провоцирующей конфликтные ситуации, релевантной установкой является некатегоричность. Данная установка достигается хеджированием, которое представляет собой прагматическую стратегию смягчения. Хеджи выступают средствами выражения хеджирования. Они, как и функциональные эвфемизмы, не закреплены в словаре эвфемизмов, а становятся таковыми только в определенном контексте.

Эвфемизация и хеджирование являются взаимосвязанными явлениями, которые ослабляют иллюкутивную силу высказывания, смягчают пропозицию. Они наиболее ярко характеризуют американский политический дискурс. Однако российские политики также стремятся быть вежливыми в своей речи, так как правильно построенная, корректная и вежливая речь – это мощное оружие в руках политика. Возникает необходимость обучать использованию эвфемизмов и хеджей в речи, потому что с их помощью можно выстроить успешный диалог между политическим деятелем и массовой аудиторией.

Перспективой данного исследования может быть детальное исследование эвфемизмов российского и американского политического медиадискурса в диахроническом аспекте. Таким образом, можно

проследить частоту использования эвфемизмов и сферы эвфемизации, актуальные для разных временных периодов. Перспективным также является сопоставительное изучение эвфемизации и обратного ему процесса, дисфемизации, направленного на усиление категоричности высказывания.

**Содержание диссертации отражено автором
в следующих публикациях:**

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Цыбуляк (Пастухова), О.Д. Тенденция эвфемизации политического дискурса современного русского языка / О.Д. Цыбуляк (Пастухова) // Вестник Челябинского государственного университета: Филология. Искусствоведение. – 2013. – Вып. 73. – С. 148-152.

2. Цыбуляк (Пастухова), О.Д. Эвфемизмы как манипулятивный инструмент СМИ в политическом дискурсе / О.Д. Цыбуляк (Пастухова) // Вестник Челябинского государственного университета: Филология. Искусствоведение. – 2013. – Вып. 81. – С. 239-243.

3. Пастухова, О.Д. Социально-политические эвфемизмы в политическом дискурсе английского языка / О.Д. Пастухова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – №1 (55). – Ч. 2. – С. 144-147.

4. Пастухова, О.Д. Об эвфемизмах и табу / О.Д. Пастухова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 11-1 (77). – С. 141-144.

5. Пастухова, О.Д. Хеджирование в политическом дискурсе / О.Д. Пастухова // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 4 (71). – С. 510-511.

6. Пастухова, О.Д. Способы выражения хеджирования в российском политическом дискурсе / О.Д. Пастухова // Политическая лингвистика. – 2018. – №5. – С. 95-100.

Статьи в изданиях, входящие в базу данных Web of Science:

7. Pastukhova, O. Hedging and Euphemisms / O. Pastukhova // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. – 2018. – Vol. XXXIX. – 2018. – P. 131-135.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

8. Цыбуляк (Пастухова), О.Д. Коммуникативно-прагматические особенности эвфемизмов в англоязычном политическом дискурсе /

О.Д. Цыбуляк (Пастухова) // Язык. Культура. Образование: материалы междунар. форума студен. науки, 20-22 апреля 2011 г. / Шадр. гос. пед. ин-т; отв. Ред. И.В. Колмогорова. – Шадринск: Изд-во ШГПИ, 2011. – С. 160-162.

9. Цыбуляк (Пастухова), О.Д. Функционально-тематические особенности эвфемизмов в англоязычном политическом дискурсе / О.Д. Цыбуляк (Пастухова) // Студент и научно-технический прогресс: тезисы докладов XXXV студенческой науч. конф. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2012. – С. 142-143.

10. Цыбуляк (Пастухова), О.Д. Основные сферы употребления эвфемизмов / О.Д. Цыбуляк (Пастухова) // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. – 2012. – № 4 (9). – С. 132-137.

11. Цыбуляк (Пастухова), О.Д. О переводе политически корректных эвфемизмов / О.Д. Цыбуляк (Пастухова) // Перевод как научный и культурный трансфер: тезисы докладов и сообщений междунар. научно-практической конф. (Орел, 27-28 февраля 2013 г.) / А. Г. Пастухов. – Орел: Орловский гос. ин-т искусств и культуры, ООО «Горизонт», 2013. – С. 68-70.

12. Пастухова, О.Д. Признаки и современные тенденции политического дискурса / О.Д. Пастухова // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы: матер. Второй междунар. науч. конф., 2014. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 50-52.

13. Пастухова, О.Д. История возникновения эвфемизмов и политкорректной речи / О.Д. Пастухова // Актуальные проблемы современной лингвистики и лингводидактики: матер. Междунар. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов и молодых исследователей. – Костанай, 2015. – С. 134-138.

14. Пастухова, О.Д. Эвфемизмы и политкорректная речь: на пути становления / О.Д. Пастухова // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. – 2016. – № 3 (24). – С. 64-67.

15. Пастухова, О.Д. От эвфемизма к дисфемизму / О.Д. Пастухова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах материалы VIII Междунар. науч. конф. – Челябинск, 2016. – С. 329-331.

16. Пастухова, О.Д. О классификации эвфемизмов в политическом дискурсе / О.Д. Пастухова // Актуальные вопросы филологии, лингводидактики и переводоведения в свете современных исследований: сб. науч. ст. / Чуваш. гос. ун-т; отв. ред. Н.В. Кормилина, Н.Ю. Шугаева. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2017. – С. 138-142.

17. Пастухова, О.Д. Особенности хеджирования в американском и российском политическом дискурсах / О.Д. Пастухова // Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация: матер. междунар.

науч. конф. (Екатеринбург, 10-14 окт. 2018 г.) / Урал. гос. пед. ун-т; отв. ред. А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2018. – С. 213-215.

18. Пастухова, О.Д. Митигативные средства в новых СМИ (на материале сайта hopesandfears.com) / И.В. Кожухова, О.Д. Пастухова // Журналистский текст в новой технологической среде: достижения и проблемы: сб. материалов III конф. PMMIS (Post Massmedia in the Modern Informational Society) (Челябинск, 28-29 марта 2019 г.) / под общ. ред. М.В. Загидуллиной. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2019. – С. 167-171.

19. Pastukhova, O. Discourse Markers and their Functions in New Digital Media (Based on Buzzfeednews) / I. Kozhukhova, O. Pastukhova // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. – 2019. Vol. LXVI. – P. 64-71.

20. Пастухова, О.Д. Политический медиадискурс как разновидность политического дискурса / О.Д. Пастухова // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. – 2019. – № 1 (34). – С. 62-66.

Пастухова Оксана Дмитриевна

**КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЭВФЕМИЗМОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ
(на материале английского и русского языков)**

Автореферат диссертации
на соискание учёной степени кандидата филологических наук

Подписано в печать 17.10.2019.

Форм. Бум. 60×84/16.

Печать цифровая. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. Л. 1,4.

Заказ №390. Тираж 100 экз.

ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»
454001, Челябинская обл., г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129